Исторические уроки защиты и развития конкуренции

Голомолзин А. Н.,

ФАС России,

г. Москва

Аннотация

Анализ исторического опыта развития и защиты конкуренции выполнен в контексте истории развития экономических отношений, становления и развития антимонопольного законодательства и практики его применения. Обеспечение развития и защиты конкуренции оценивается с учетом ценностных и философских установок, развития экономических учений, исходя из происходящих изменений в экономике и технологических сдвигов. Кратко изложен более чем тысячелетний опыт антимонопольного регулирования в Индии, Римской империи и Византии. Антимонопольный опыт США раскрыт на основе анализа истории развития экономических отношений в стране, исследования предпосылок создания в США антитрестовского законодательства в конце XIX в. Рассмотрены основные условия и прецеденты применения антитрестовского законодательства США, основные структурные преобразования в экономике в XX в. Приведены примеры корректировки приоритетов антитрестовской политики США в условиях динамичных изменений в XXI в.

Рассмотрены основные этапы тысячелетней истории развития рыночных отношений в России, в том числе на основе анализа важнейших памятников истории отечественного права (Русская Правда 1016 г., Кормчая книга 1274 г., Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.). Исследованы базовые антимонопольные положения указов петровской эпохи, положивших начало формированию собственно антимонопольного законодательства и развитию конкуренции, антимонопольные нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., утвержденного Николаем I за полвека до появления антитрестовского законодательства в США. Изучены история развития организованной торговли в ходе освоения российского Севера, Сибири и Дальнего Востока, практика противодействия монополизации и картелизации экономики дореволюционной России. Раскрыты причины и механизм монополизации и картелизации российской экономики и советской экономики после 1917 г. Дана оценка идеологом социализма и капитализма и причин их оторванности от практики экономического развития. Исследована практика становления и развития экономических отношений в советский период.

Ключевые слова: конкуренция, экономическое развитие, антимонопольное законодательство, монополизация, картели, исторический анализ, купечество, организованная торговля, социализм, капитализм.

Historical lessons on the protection and development of competition

Anatoly N. Golomolzin,

FAS Russia,
Moscow

Annotation

The analysis of historical experience of development and protection of competition is carried out in the context of history of development of economic relations, formation and development of the Antimonopoly legislation and practice of its application. Ensuring the development and protection of competition is evaluated taking into account the values and philosophies, the development of economic doctrines, based on the ongoing changes in the economy and technological shifts. More than a thousand years of experience of antimonopoly regulation in India, the Roman Empire and Byzantium is summarized. The antitrust experience of the United States revealed based on the analysis of history of development of economic relations in the country studies of the background of the U.S. antitrust laws in the late XIX century describes the main conditions and precedents of the application of the antitrust laws of the United States, the major structural changes in the economy in the XX century. Examples of adjustment of priorities of antitrust policy of the USA in the conditions of dynamic changes in the XXI century are given.

The main stages of the millennial history of market relations in Russia are considered, including the analysis of the most important monuments of Russian history (Russkaya Pravda 1016, Kormchaya kniga 1274, the Cathedral Code of Tsar Alexei Mikhailovich 1649). The basic Antimonopoly provisions of the decrees of the Peter I era, which initiated the formation of the Antimonopoly legislation and the development of competition, the Antimonopoly norms of the Criminal and Correctional Penalties Act of 1845, approved by Nikolay I for half a century of the appearance of antitrust legislation in the United States, are investigated. The history of the development of organized trade during the development of the Russian North, Siberia and the Far East, the practice of countering the monopolization and cartelization of the economy of pre-revolutionary Russia are studied. The reasons and mechanism of monopolization and cartelization of the Russian and the Soviet economy after 1917 are revealed. The ideologies of socialism and capitalism and the reasons for their isolation from the practice of economic development are assessed. The practice of formation and development of economic relations in the Soviet period is investigated.

Keywords: *competition, economic development, antitrust, monopolization, cartels, historical analysis, merchants, organized trade, socialism, capitalism.*

Традиционно считается, что российское конкурентное право основано преимущественно на зарубежном опыте, в первую очередь опыте США. Здесь необходимо сделать несколько пояснений, которые будут способствовать лучшему пониманию предмета. Действительно, опыт США в вопросах формирования антимонопольного законодательства и практики его применения по праву является одним из наиболее успешных и ставших образцом для подражания во многих странах мира. Однако нужно знать, что путь этот к «капиталистическому раю» в США не был усыпан розами. Также нужно помнить, что история и практика антимонопольного регулирования уходит в глубь веков.

Первые законы, регламентирующие вопросы контроля антиконкурентного поведения на рынках, были приняты еще в Индии (в III в. до н. э. в рамках Kautilya's Arthashastra)¹ и Риме (предположительно со времени правления Юлия Цезаря, ок. 50 года до н. э.) [1]. Как отмечено в официальном проспекте, они содержали вполне современные конкурентные правила, устанавливающие запреты на соглашения между предприятиями, ограничивали деятельность частных и публичных монополий. Следует также напомнить, что в кодексе Юстиниана (Византия) в одном титуле «О монополиях, о недозволенных собраниях купцов» были установлены запреты на два вида, как бы сейчас сказали, «ограничительной деловой практики» — злоупотребление доминирующим положением на рынке и сговоры на рынке. За нарушение этих запретов были установлены значительные санкции [2].

Еще одно замечание состоит в том, что мы недостаточно исследуем дореволюционное антимонопольное законодательство России (до 1917 г.), которое было принято намного раньше, чем в США. Плохо изучен и оценен и опыт его применения. Отметив 100-летие Великой Октябрьской революции, нелишне напомнить и об обстоятельствах принятого тогда направления развития России по пути обобществления и легализации запрещенных в рыночной экономике организаций и объединений. Нелишним будет и освобождение от некоторых идеологем капитализма и социализма, которые, в частности, искажают понимание процессов экономического развития в советский период.

В целях поиска универсальных условий роста в социальной и экономической сфере рассмотрим кратко некоторые аспекты исторического опыта защиты и развития конкуренции.

Об антимонопольной истории США

В книге «Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки» говорится об историческом синтезе так называемых прогрессистских историков, выделявших три периода американской истории: «ранний» — от образования колоний в Северной Америке до конца XVII в.; «средний» — до 1860-х гг.; «поздний» — до современных исследователям событий (конец XIX — начало XX в.). Кульминацией раннего этапа стала Война за независимость 1775–1783 гг. Джон Ф. Джеймсон, например, относил ее к социально-политической революции; среднего — Гражданская война 1861–1865 гг. как вторая американская революция; в качестве кульминации позднего этапа подразумевалась *победа антимонополистических сил над всевластием монополий* [3].

При исследовании «раннего» колониального этапа прогрессистами была *подвергнута критике концепция о развитии американского общества как изначальной демократии среднего класса*. Этот этап американской истории — от образования колоний в Северной Америке до конца XVII в. — характеризовался *феодальными правами в системе землепользования* (в частности, фиксированной «квит-рентой», майоратом, неотчуждаемостью земли), *эксплуатацией подневольного труда*, государственной религией, аристократическим государственным устройством. Был сделан вывод об *авторитарном характере пуританского политического строительства* и некоторых *архаических чертах социальной сферы*.

Например, в 1800 г. 20% населения США составляли рабы (около 1 миллиона на 5 миллионов жителей), в 1860 г. их доля сократилась до 15%, увеличившись при этом в 4 раза в абсолютном выражении (около 4 миллионов из 30 миллионов жителей) [4]. В это трудно поверить, но некоторые американские авторы оценивали рабство в терминах неоклассической экономической теории — моделей, основанных на максимизации прибыли. Так, Н. Ф. Р. Крафтс [5] отмечает, что одна из подборок статей продемонстрировала, что рабство на американском Юге было прибыльным (и не потерпело бы фиаско, если бы не гражданская война), что цены на рабов устанавливались в соответствии с принципами ценообразования на капитальные блага, и в целом рабовладельцы рационально реагировали на экономические стимулы [6].

Чарльз О. Бирд отказался писать историю гражданской войны как военную историю. Он *предпочел писать об изменениях социального законодательства, партийных движениях, изменениях состояния промышленности, транспорта, сельского хозяйства*. Главный итог гражданской войны оценивался им не только с морально-этической стороны, но и как факт экспроприации собственности плантаторов-рабовладельцев на сумму

¹ См.: Competition Commission of India. New Delhi, 2013. 80 p.

Исторические уроки защиты и развития конкуренции

4 млрд долл. (беспрецедентной, по словам историка, конфискации в «истории англосаксонского права») [3].

Б. Селигмен писал, что на рубеже XIX и XX столетий железнодорожные компании США «разжирили» за счет казны и добились от Конгресса передачи им обширных государственных земель. Колебания стоимости денег взвалили непомерное бремя на мелкого фермера, ибо заимодавцы при взыскании долгов фактически получали больше, чем они дали в свое время под заклад ферм. Нефтяная группа Рокфеллера подавила конкурентов, добившись для себя льготных тарифов, а промышленники кутали «здорового крикливого ребенка» — новые растущие отрасли — в «пеленки покровительственного тарифа» [7].

Г. Цыперович отмечал, что «пять промышленных заправил различных монополистических организаций США — Рокфеллер, Гарриман, Пирпонт Морган, Вандербильт и Гульд — к началу XX столетия «контролировали», т. е. держали в полной зависимости от себя, половину всех капиталов, помещенных в банковых или промышленных предприятиях США [8]. Известный американский критик монополистического капитализма Т. Веблен изучил огромное количество материалов (19 томов), собранных созданной в 1890 г. промышленной комиссией. Это дало ему представление о переплетающихся директоратах, холдинг-компаниях и разводнении акционерного капитала. Ученому казалось очевидным, что производство поставлено в зависимость от корыстных интересов финансистов. Их политика цен, столь отличная от политики мелких фирм времен Джефферсона, направлена на максимизацию прибыли путем создания искусственной нехватки товаров. Вывод Веблена состоял в том, что в экономике, где бизнес в состоянии прибегать к «преднамеренному снижению производительности», спрос и предложение не могут лежать в фокусе анализа [7]. Все это предопределяло необходимость реформ, которых требовало движение прогрессистов.

«Отец» американского антимонопольного законодательства Джон Шерман, выступая еще в 1890 г. в Сенате США, говорил: «Господа, сегодня народ Соединенных Штатов, так же как и других стран, чувствует на себе власть этих конгломератов и требует от всех законодательных органов средств борьбы с этим злом, которое только выросло в огромных размерах за последнее время. Мы знали монополии и привилегии прошлого, но никогда ранее не видели таких гигантов, как сегодня. Вы должны либо прислушаться к этому требованию народа, либо быть готовыми к приходу на ваше место социалистов, коммунистов и нигилистов» (Congressional Records. 1890. Vol. 21)². Луис Брэндис, перед тем как его назначил

председателем Верховного суда США президент США Вудро Вильсон, говорил о необходимости недопущения монополий, поскольку в демократическом обществе существование крупных центров частной власти опасно для жизни и свободы людей [7].

Ключевые элементы антимонопольного законодательства в Соединенных Штатах — закон Шермана об антимонопольном законодательстве от 1890 г. и закон Клейтона от 1914 г. — содержат широкие формулировки, которые предоставили судам широкую свободу в толковании и применении закона за последние почти 125 лет. Как правило, американская публика проявляет давнюю народную веру в принципы конкуренции и свободного рынка. Иногда антимонопольное законодательство было громом над головой для народного протеста, но в других случаях оно отражало общественный консенсус по общим принципам. Тем не менее значение конкуренции, так же как и значение рыночной справедливости, изменилось за эти годы. Юристы, правоохранительные органы и частные истцы пересматривали свои подходы к антимонопольному регулированию с учетом экономических потрясений, технологических достижений и по мере приобретения новых знаний. Менялась и экономическая логика, ставящая во главу угла то стандарт благосостояния потребителей, то защиту предпринимателей как общий стандарт благосостояния [9].

Одно время казалось, писал Б. Селигмен, что усилия дадут плоды. Однако к быстрому результату не смогло привести ни создание межштатной торговой комиссии, ни принятие антитрестового закона Шермана: промышленники стали бороться против них тактикой провокаций и обструкций в судах. Президент США Теодор Рузвельт говорил о том, что Америка достигла необыкновенного экономического могущества, однако он также высказывал опасения по поводу того, что американская индустрия перешла в руки корпоративных гигантов, которые концентрируют общественное богатство в руках малого количества людей, расширяющих свою власть и на политиков. Большинство же американских экономистов того времени писали о предпринимательстве, бережливости, производстве и воздержании. Для них сфера монополий и насилия была terra incognita, а точка зрения прогрессистов не стала в США общепризнанной [7].

Р. Хофстедтером в конце 1940-х гг. было выдвинуто следующее положение, которое распространилось и на всю историю Северной Америки: «Острота политической борьбы часто вводила в заблуждение, если учесть, что различие во взглядах основных противников из ведущих партий никогда не выходило за горизонты собственности и предпринимательства. Каковы бы ни были разногласия по специфическим вопросам, главные политические традиции основывались на вере в право собственности, философии экономического индивидуализма, ценности конкуренции» [3].

² Цитируется по докладу А. Ю. Иванова на конференции «Антитраст в новой экономике». Сколково, 2016 г. со ссылкой на Congressional Records, Vol. 21, 1890.

Точка зрения о влиянии философии индивидуализма на выбор основных положений антитрестовского законодательства в части соотношения применения «правила разумности» (rule of reason) и правила «по существу» (per se) высказывалась Д. Эдвардсом [10]. Он считал, что американские политические институты были сформированы после освобождения от колониальной зависимости под влиянием философии, которая не доверяла центральной власти, а скорее соответствовала индивидуализму осваивавших новые земли, европейские же политические институты развивались отчасти из органов управления, свойственных монархии и церковной иерархии... В условиях развития рыночной экономики свобода ассоциаций требовала свободы от картелей, а свобода контрактов подразумевала право на соглашения, которые отчасти ограничивали свободу торговли и конкуренции. Поэтому в США пошли по пути применения правила «по существу» (per se) в делах о фиксации цен, тогда как в Европе для законодательства о картелях характерна более высокая степень свободы должностных лиц в области исправления действий картелей в соответствии с собственным пониманием общественного интереса. Споры вокруг «правила разумности» (rule of reason) и правила «по существу» (per se) затрагивают, таким образом, важные вопросы политической и экономической философии, а экономисты не уполномочены предписывать «правильную» политику [11].

Первая победа в борьбе с махинациями трестов была одержана вскоре после того, как Теодор Рузвельт занял президентское кресло: была признана незаконной власть, полученная в результате слияния железнодорожных компаний Northern Pacific и Great Northern. Еще более важный шаг был сделан в 1911 г., когда Верховный суд принял постановление о том, что Standard Oil of New Jersey незаконно монополизировала нефтеперерабатывающую промышленность. Как установил суд, чтобы монополизации стать преступлением, необходим захват монопольного положения вследствие умысла — сознательных действий по достижению этого положения и вытеснению конкурентов с рынка. Судом было сформулировано «правило разумности» (rule of reason), позволяющее утверждать или отрицать наличие такого умысла: если действия компании ведут к неоправданному ограничению конкуренции, выходящему за рамки нормальной деловой практики. Через две недели после этого дела было принято решение по разделению American Tobacco Company, еще более укрепившее применение «правила разумности» [11].

Выиграв дело Standard Oil, правительство США в 1911 г. выдвинуло требование о разделении и в отношении U. S. Steel, но в 1915 г., ссылаясь на «правило разумности» окружной суд, а позднее и Верховный суд вынесли решение в пользу сталелитейной компании. По мнению большинства судей, принявших это решение,

даже если корпорация в самом деле обладала рыночной властью, она этой властью не пользовалась. Тогда была подготовлена почва для появления критиков закона Шермана, считающих, что он защищает конкурентов, но не конкуренцию [11].

Есть исключительный опыт Америки, когда в годы Великой депрессии государством была санкционирована картелизация национальной экономики. Эта стратегия не смогла остановить депрессию, и антимонопольное регулирование и правоприменение не исчезли из политических дебатов или судебных дел. Послевоенная антимонопольная политика инициировала жесткие антимонопольные правила против слияний, даже при том, что право частной собственности сохранялось как неизблемый политический приоритет. Кроме того, Конгресс и Министерство юстиции сосредоточились на экспорте американского антимонопольного законодательства, экстерриториально применяя за рубежом законы США против иностранных фирм, чья деловая практика повлияла на американские рынки [9].

В области антитрестовского законодательства суды в США были облечены властью, которой они не обладают в какой-либо иной области действующего законодательства. Тем не менее до середины XX в. число судебных решений по принудительному разделению не превышало десятка. Немногочисленность решений судов о крупных реструктуризациях была связана с естественным нежеланием федеральных судов принимать жесткие меры без крайней нужды. Лишь немногие из решений судов предполагали столь существенные преобразования, как отделение местных телефонных компаний Bell от AT&T или разделение компании Standard Oil of New Jersey на 33 части, разделение American Tobacco Company на 16 частей, разделение компании du Pont на 3 отдельных предприятия, производящие порошок [11].

Прецедентное дело Standard Oil интересно еще и констатацией того факта, что доминирующее положение компании наряду с концентрацией капитала было обусловлено концентрацией прав интеллектуальной собственности: «Если, объединяя патенты, правообладатели доминируют в отрасли, власть по установлению и поддержанию роялти аналогична власти по фиксации цен. Где есть доминирование, объединение патентов или обмен лицензиями <...> выходит за рамки правомочий, предусмотренных патентами, и является нарушением Акта Шермана» [12].

Структурное разделение в рамках дела в отношении компании AT&T привело к взрывному развитию инновационных рынков в сфере информационных технологий, до этого искусственно сдерживаемому: «Настоящая проблема с AT&T стала очевидна только после того, как государство приняло решительные меры, чтобы разделить монополию: волна за волной новые продукты и серви-

сы стали заполнять рынок, начиная от голосовой почты и заканчивая Интернетом, — стало понятно, насколько фундаментально система, построенная Беллом, сдерживала прогресс» [12].

Решение по Aluminium Company of America (Alcoa) пересмотрело прецеденты и по Standard Oil of New Jersey, и по U. S. Steel, сделав возможным вывод о существовании незаконной монополизации без применения неподобающих методов, позволяющих избавиться от конкурентов на рынке. В этом решении суда монопольная власть, полученная благодаря приобретению патентов, напрямую не была названа незаконной, но решение было близко к этому пониманию. Позднее последовал еще ряд решений, закреплявших запрет на возникновение и/или усиление доминирующего положения в ходе сделок слияний и приобретений на соответствующем товарном рынке [11].

Со второй половины XX в. ключевым вопросом стали дискуссии относительно анализа рынка, проблем соотношения конкурирующей и взаимозаменяемой продукции в условиях затруднений с применением какой-либо стандартизированной процедуры для определения границ рынка [14]. Вначале Верховный суд США признал невиновным du Pont в монополизации в производстве целлофановой упаковки. В условиях нового прецедента было подано не так много судебных исков по нарушению закона Шермана, те из них, которые были инициированы, в основном были урегулированы по решению сторон. В делах высокотехнологичных компаний затягивание процессов рассмотрения (например, дело по IBM продолжалось с 1975 по 1982 г., расходы правительства по оценкам составили около 200 млн долл.) сопровождалось тем, что ситуация на рынках кардинальным образом менялась и первоначальные обвинения теряли всякую актуальность [11].

В любом случае закон Шермана оказывал не только прямое, но и косвенное воздействие на поведение крупных фирм, представители которых заявляли, что предпочитают концентрироваться на завоевании новых рынков, чем на укреплении своих позиций на традиционных. Как говорили: «В совете директоров любой крупной корпорации сидит призрак сенатора Шермана». Начиная с 1970—1980-х гг. добровольные реструктуризации в виде отказов от прав собственности (продаж филиалов, подразделений и прав выпуска части ассортимента продукции) стали повседневным явлением американской экономики. Бизнес исходил из понимания того, что правительство всегда будет более грубым хирургом, чем руководство компаний [11].

Многие отрасли подверглись масштабной реструктуризации, в первую очередь те из них, где законсервировались структурные несовершенства, а также в связи с иностранной конкуренцией и технологическими новациями. К ним относятся автомобилестроение (конкурен-

ция с японскими производителями), сталелитейная промышленность, вертикальная дезинтеграция в нефтяном секторе (после появления мирового нефтяного рынка), компьютерная индустрия (после появления микросхем и микрочипов) и ряд других. Проблемы этих и других отраслей были известны и ранее, своевременные меры по реструктуризации, способствующие росту конкуренции, могли бы принести прибыль раньше и с меньшими трудностями для персонала и акционеров. Время и рыночные факторы оказались более мощными факторами структурной перестройки, чем американское антитрестовское законодательство [11].

Весьма ощутимые результаты были достигнуты в США в проведении структурных реформ в топливно-энергетическом комплексе, на транспорте, в области связи. Первоначально были сформированы новые институты и правила отраслевого и тарифного регулирования. Затем сформировались конкурентные рынки электроэнергии, природного газа, телекоммуникаций, железнодорожного транспорта. Была создана коммерческая инфраструктура, и прошли процессы дерегулирования этих рынков. Этот опыт с отставанием в 10—30 лет начал тиражироваться в других странах мира, в том числе в Великобритании, Австралии, странах ЕС, Японии и Южной Корее. Экономические реформы расширяли свои границы на Восточную Европу, страны Латинской Америки, Азии, Африки. Координирующую роль играли такие международные организации, как ОЭСР, ЮНКТАД и другие.

Традиционно сильной и конкурентной является банковская сфера США, играющая ключевую роль не только на североамериканских рынках, но и в мировой экономике. Биржевая торговля финансовыми инструментами позволила сделать североамериканские рынки привлекательными для финансовых и инвестиционных ресурсов со всего мира. Технологическое лидерство предопределило ведущую роль американских корпораций на мировых рынках.

Рост производительности труда в США (а также других развитых странах) происходил главным образом за счет применения новых, лучших методов производства более квалифицированной рабочей силой. Прирост производства от 10 до 35% можно отнести на сочетание капитала и экономии эффектов от масштаба, тогда как от 65 до 90% можно отнести на счет повышения образования персонала и внедрения достижений научно-технического прогресса [15]. Росс и Шерер сделали вывод, что для ускорения технического прогресса необходимо тонко соединять конкуренцию и монополию, уделяя основное внимание первой и снижая роль и значение второй. Они отмечали, что высокий уровень концентрации редко оказывает стимулирующее влияние на инновации, гораздо чаще он может замедлять технологический прогресс, притом что технически сме-

лые инноваторы играют ведущую роль в осуществлении радикальных нововведений и что барьеры входа на отраслевые рынки в этих целях должны снижаться. Что Шумпетер был прав, утверждая, что совершенная конкуренция не может быть использована в качестве совершенной модели динамической эффективности, но его менее осторожные последователи ошибались, когда делали вывод о том, что влиятельные монополии и жесткие картели имеют большее право служить такой моделью [11].

Значительные изменения в антимонопольной юриспруденции произошли в 1970-х гг., когда строгое соблюдение антимонопольного законодательства послевоенного периода вызвало негативную реакцию, что привело к изменению закона и политики. Превалировать стало новое экономическое мышление, связанное с Чикагской школой права и экономики. В результате многие виды деловой практики, когда-то считавшиеся антиконкурентными, стали законными. Применение антимонопольного законодательства сузилось, и судебная система стала меньше вмешиваться в контроль за рыночными сделками. Перестали уделять внимание прежним опасениям относительно защиты от чрезмерного политического влияния или сохранения высоких долей конкурентов на рынке [9].

Представители Чикагской школы считали, что рынки изначально конкурентны и что правительства не должны вмешиваться в целях защиты конкуренции. По мере роста влияния Чикагской школы суды следовали этой доктрине, даже несмотря на применение «правила разумности» при балансировании эффективности и антиконкурентных эффектов. К примеру, монопольно высокие цены не считались проблемой с учетом низких барьеров входа на рынки. Следствием такого подхода стало расхождение теории с практикой, когда раз за разом возникал вопрос существования рыночной власти, а также антиконкурентного поведения фирм, злоупотребляющих этой властью. Современная экономическая теория (включая достижения, связанные с пониманием асимметричности информации и с теорией игр) отвергла большинство из положений Чикагской школы, писал нобелевский лауреат Дж. Стиглиц [16]. Он говорил, конечно, излишне категорично, но оправданно в дискуссии с представителями Чикагской школы с их не менее крайними позициями, что даже конкурентные рынки неэффективны, а «невидимая рука рынка» Адама Смита потому и невидима, что ее не существует. Рынки не являются конкурентными в общем случае, существует широкий набор механизмов, благодаря которым рыночная власть возникает, поддерживается и расширяется.

В последнее время некоторые западные экономисты призывают юристов уделять больше внимания несовершенству рынка, которое упускает из виду Чикаг-

ская школа. Этот так называемый постчикагский анализ способствовал возобновлению внимания к антиконкурентному поведению и потребительскому вреду. Новое прогрессивное движение утверждает, что интерпретация Чикагской школы превратила антимонопольную юриспруденцию в оболочку своего прежнего «я» и вытеснила важные опасения, что концентрированная экономическая власть влияет не только на рыночную конкуренцию, но и на демократическое политическое участие. Возможно, опираясь на постчикагский импульс, реформаторы надеются возродить политическую идеологию антимонопольной в современной внутренней политике [9].

Речь Рузвельта и сегодня так же актуальна, как и когда она была произнесена в 1910 г. Компании-гиганты снова на марше, усиливают свое присутствие на глобальных рынках. По доле в ВВП прибыль американских корпораций выше, чем когда-либо с 1929 г.³ Apple, Google, Amazon доминируют в сегодняшней экономике, как когда-то U.S. Steel, Standard Oil and Sears, Roebuck and Company доминировали в экономике рузвельтовских дней. Они опережают своих соперников в одной области за другой и создают мощную защиту от конкуренции, делая огромные деньги, эквивалентные 10% ВВП в Америке и целых 47% в Японии⁴. В ряде секторов новые цифровые компании заняли доминирующие позиции, осуществляя значительное влияние на реальный сектор экономики. Страны, транснациональные корпорации, активно реализующие продвижение в области инновационной экономики, получают неоспоримое преимущество в глобальном масштабе. Так, платформы США по обороту в 6 раз превосходят аналогичные площадки азиатского региона и в 10 — европейского⁵.

Проблемой оказалось то, что антимонопольные органы «проморгали» появление цифровых гигантов, притом что все они появились в результате сделок слияний и присоединений и по их поводу не было возражений со стороны антимонопольных органов. Их появление и поведение в меньшей степени может быть объяснено в терминах философии индивидуализма, а в большей — ответственности конкистадоров, осваивающих

³ Наряду с проблемами монополизации существуют проблемы несправедливости распределения богатства. Ф. Берч считал, что в 1965 г. 43% промышленных и 58% торговых предприятий, «вероятно, управлялись семьями». Ф. М. Шерер писал, что из почти половины всех обыкновенных акций промышленных предприятий, находящихся в руках частных граждан США в 1983 г., держателями 72% акций по стоимости были семьи, относящиеся к 10% по распределению доходов.

⁴ <http://www.economist.com/news/special-report/21707048-small-group-giant-companiessome-old-some-neware-once-again-dominating-global>

⁵ <https://fas.gov.ru/news/26831>

бескрайние просторы Нового Света. Как писал Б. Селигмен, корпорации столь же склонны к «умиротворению непокорных варваров», как и конкистадоры, только в наше время блага умиротворения достаются другим бизнесменам [7].

В современном быстро меняющемся мире крупные мировые компании могут кардинальным образом менять экономику. Движимая естественными силами «невидимая рука рынка» подменяется искусственной, планируемой и направляемой техноструктурой «цифровой руки рынка» этих компаний. Журнал «The Economist» отмечает: «Возникновение супергигантов наиболее заметно в экономике знания. В Силиконовой долине небольшая группа монополистов имеет рыночную власть и получает доходы, невиданные со времен баронов-разбойников XIX в.». Большой бизнес может поступать и рассуждать не только прагматично, но и цинично. «Конкуренция — удел лузеров» (“competition is for losers”), — сказал Петер Шиел (Peter Thiel), соучредитель платежной системы PayPal и первый внешний инвестор в Facebook⁶.

Ситуация в США и в мировой экономике в условиях масштабного развития инноваций, особенно в информационной сфере, заставляет по-новому осмыслить и подходы в сфере экономического анализа, и ситуацию на рынках. Ведущиеся в этой стране, временами усиливающиеся дискуссии относительно изменений законодательства о монополизации ставят в повестку и вопрос о фундаментальной переоценке ценностей.

Об истории развития рыночных отношений в России

Государство, чья история наполнена величайшими достижениями, всегда имеет под собой весомые, веками выверенные основания, которые позволяют экономике процветать, народу богатеть, а государству укрепляться. Вольно-народное освоение земель, стремление к просвещению и свободомыслию, купеческо-промышленная предприимчивость, сравнительно высокая эффективность государственного аппарата, нравственные и духовные устои, межнациональная терпимость — вот слагаемые исторического успеха российского государства на протяжении более чем тысячелетней истории. В то же время имеются свидетельства того, что монополизация и картелизация, негибкость государственного управления и сдерживание предприимчивости в экономике становились одними из основных причин упадка [17].

⁶ Цитируется по докладу А. Ю. Иванова на конференции «Антифракт в новой экономике». Сколково. 2016 г. со ссылкой на Congressional Records, Vol. 21, 1890.

Первичным древнейшим видом славянского распространения, прошедшим красной нитью через все другие виды, было, по мнению Д. А. Корсакова, вольное освоение. По мере освоения новых территорий основывались «починки, села, деревни, города». После следовавшего расширения этих населенных пунктов возникали «выселки, новоселки, поселки». Свою роль сыграли крупные землевладельцы — земские бояре. Из этого первоначально вольного, земледельческо-промышленного освоения стал развиваться особый его вид — промышленно-торговое освоение. Основывались поселения промышленного типа на основе добычи древесного угля, смолы, дегтя; а затем — добычи и обработки минералов и металлов (соли и железа). Движимые вольным освоением, возникали «рядки, перевары, усолья, слободы, варницы, торги, торжки» [18].

Условия русской экономики способствовали движению капиталов, вся колонизация Севера шла на кредит. В связи с этим банкирский класс Северной Руси, новгородское боярство, пользовался почетом и большим политическим влиянием. В истории развития в России промышленности и торговли необходимо понимать роль купечества. В. П. Рябушинский писал, что купечество, в сущности, не что иное, как торговые мужики, высший слой русских хозяйственных мужиков. Когда дух капитализма проник в Россию, там он встретил не пустое место, а исторический, веками складывавшийся тип «русского хозяина» [19].

Изменения в экономике сопровождались изменениями в расширении границ российского государства за счет потока движения народных масс «встречь Солнцу» [20, 21]. Освоение Сибири и Дальнего Востока, одно из ярчайших и величайших в истории событий, стало лишь завершающим этапом движения русских на Восток — «движения русских людей по тому длинному пути, по которому они прошли в течение десяти столетий от Белоозера до Тихого океана и отрогов Гималаев». Наряду с Ермаком выдающимися казаками-прибыльщиками [17]⁷ были Поярков, Хабаров, Булдаков, Дежнев, Атласов и другие, как писал Д. А. Корсаков, «искрестившие Сибирь от Уральских гор до Камчатки и от гор Алтайских, Саянских, Яблоновых и Становых до Ледовитого океана. Их подвиги, по крайней мере, равняются

⁷ Прибыльщики — в период существования Московского княжества, а затем и в Российской империи лица, изыскивавшие источники наполнения государственной казны путем реализации новых масштабных проектов, способствовавших развитию страны. Если раньше прибыльщики ставили и развивали новое дело, то позднее они занялись выискиванием статьи дохода, не использованной казной. С конца XVII по первую четверть XVIII в. так именовалась должность в финансовом ведомстве России, а деятельность стала носить более утилитарный фискальный характер. См.: Голомолзин А. Н. Записки по отечественной истории // Бюллетень транспортной информации. 2013. № 8, 9.

подвигам Васко да Гамы и Колумба, стоявших во главе делавших открытия в заатлантическом материке смельчаков, а также Магеллана, Кортеса, Пизарро и других предприимчивых западноевропейцев в Новом Свете. Но великорусские землепроходцы никогда не доходили до того бесчеловечия и зверства, с каким западные колонисты обращались с индейскими племенами Америки» [18]. В Сибири никогда не было крепостного права. Сибиряки — это те подвижники и землепроходцы, которых «не всегда за давностью лет мы могли отслеживать в глубине более старых эпох» [22].

В нашей истории есть памятники права, которые дают нить к самым глубоким основам изучаемой экономической жизни. Авторитет отечественного законодательства был настолько высок, что о «Законе русском» — праве городской и княжеской Руси IX—XI вв., упоминалось еще в договорах Руси с Византией [23]. «Русская правда» Ярослава Мудрого (XI и XII вв.) стала первым уголовным, гражданским и административным кодексом объединенных русских земель [24], земского единства и торгово-промышленного мира, который историки называли по преимуществу уложением о капитале [23]. Кормчую книгу от Саввы Сербского (XIII в.) в качестве духовно-правового наследия Византии считали символом симфонии духовной и светской власти [25]. Соборным уложением (1649 г.) была проведена кодификация законодательства, установлено регулирование государственного и гражданско-правовых отношений⁸. В этих актах последовательно, сообразно менявшимся укладам задавались правовые рамки рыночных отношений, определяющие хозяйственную жизнь тех давних лет [2].

Указом Петра I от марта 1711 г. было установлено право заниматься торговлей «людям всякого звания». А указом Петра I от октября 1712 г. учреждались торгово-промышленные компании. При Петре I в декабре 1723 г. был составлен Регламент мануфактур-коллегии, с ведома которой всем дозволялось заводить фабрики. Этому учреждению регламентом вменялось в руководство «не выключать других в пользу одних и иметь в виду, что от соперничества между заводчиками зависели не только размножения мануфактур, но также достоинство и дешевизна произведений». Это является прообразом краеугольного для современного антимонопольного законодательства (как в России, так и в мире) механизма контроля крупных сделок слияний и приобретений. Его целью является недопущение ограничения конкуренции, в том числе вследствие возникновения или усиления доминирующего положения компаний на соответствующих товарных рынках.

⁸ Соборное уложение 1649 г. // URL: <http://www.coolsch.ru/arh/history/arh/129.htm> (Дата обращения: 01.09.2019).

В 1703 г. в Санкт-Петербурге по воле Петра I была открыта первая биржа [26]⁹. Но, пожалуй, наиболее значимые результаты по развитию организованной торговли были достигнуты в торговой слободе Кяхта, что возникла на границе с Китаем по итогам подписания мирного кяхтинского договора в 1727 г. Договор был подписан графом Владиславичем-Рагузинским, которого прозорливый царь в ряду других «птенцов Петровых» «возвысил, даровав средства принести незабвенные услуги России» [27]. Савва Владиславич-Рагузинский, чтобы развить «всегдашний торг» в далеком и безлюдном краю, распорядился: «Когда слобода, анбары, лавки и прочее построено будет, купцам отдать внаем по умеренной цене и в том государственный интерес умножить» [28]. Графу удалось создать условия значимой для государства свободы торговли и предпринимательства. Торговля эта весьма возвысилась, так что надобность отправлять казенные караваны в Пекин отпала [28]. Что важно, «возвысилась» не просто частная торговля, а торговля, имеющая коммерческую и технологическую инфраструктуру, надлежащим образом подготовленную благодаря прогрессивным государственным чиновникам [29].

Кяхта в силу своей уникальности была не просто «типично купеческой», она и возникла как предполагаемый будущий торговый центр. Более полутора веков Кяхта являлась важным торговым центром Российской империи. В Китай вывозили меха, сукно, кожи, листовое железо и др., из Китая — ремень, шелк, бархат, сахар-леденец, предметы прикладного искусства и др. В 1851 г. Кяхта была единственной слободой в России, получившей право быть самоуправляемой. «Совет старшин торгующего на Кяхте купечества»¹⁰ руководил торговлей, взимал налоги за чайное место и распределял их на торговые и городские нужды [22]. По удельному весу купечества Кяхта была самым торгующим городом не только Сибири, но и России. С середины 1810-х гг. до начала 1850-х число купеческих семей выросло с 17 до 43. В 1862 г. в торговой слободе было 276 купцов [30]. Вследствие конкуренции торговля развивалась огромными темпами. За чуть более полувека торговый оборот увеличился в 8 раз (!). В 1802 г. привезено было байхового и кирпичного чая около 50 000 пудов. В 1820 г. —

⁹ В начале XX в. в России насчитывалось более 50 бирж, расположенных во всех крупных городах России. После Первой мировой войны 1914 г. и революции 1917 г. биржи стали закрываться и после короткого периода расцвета во времена НЭПа с 1930-х до середины 1980-х гг. они окончательно закрылись в связи со сменой курса. См.: Зимин В. В. Биржевой товарный рынок — итоги, задачи, перспективы. СПб., 2018.

¹⁰ В этом опыте без труда можно увидеть продолжателей в лице Совета рынка в электроэнергетике или Биржевого комитета. — *Прим. авт.*

около 120 000 пудов, в 1860 г. — около 400 000 пудов [31]. Таможенные сборы от кяхтинской торговли достигали 50% от всех собираемых государством пошлин. Среди проблем экономического характера были: долгое время существовавшая меновая торговля, а также проблемы сговоров на торгах.

Для отражения тенденций развития промышленности и торговли Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (Уложение 1845 г.) был установлен запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения. Запреты касались как ценовых соглашений конкурирующих на рынке хозяйствующих субъектов, так и недопущения сговоров на торгах. К примеру, в статье 1615 речь шла о запрете действий промышленников и торговцев продавольственными и промышленными «необходимой потребности товарами», приводящих к «возвышению цен» или «непомерному» понижению цен [2].

Если при этом такие действия состояли «в намерении стеснить действия производящих или доставляющих сии товары, а через то препятствовать и дальнейшему в большем количестве привозу оных», то санкции составляли: для «зачинщиков» — тюремный срок от шести месяцев до одного года, а «для прочих, принимавших в них участие», — срок от трех недель до трех месяцев либо денежный штраф от пятидесяти до двухсот рублей. Если же от таких соглашений «произойдет действительный недостаток в товарах первой необходимости и сие будет поводом к нарушению общественного спокойствия», то зачинщики получали срок от двух до трех лет, а прочие — от шести месяцев до одного года.

Уложением 1845 г. также был установлен запрет на злоупотребления на рынке «жизненно важных товаров», в чем-то аналогичный запрету в нынешнем антимонопольном законодательстве на злоупотребление доминирующим положением на рынке. Статьей 1616 Уложения 1845 г. было установлено, что, если продавцы жизненных припасов скроют свои запасы или без особой законной причины прекратят их продажу, наказание составит от 5 до 30 рублей штрафа либо арест на срок от трех дней до трех недель.

Набивая «шишки» в процессе (или на пути) развития промышленности и торговли, Россия методом проб и ошибок внедрила принципиально новые и очень важные нормы антимонопольного законодательства. Следует подчеркнуть, что сделано это было почти на полвека раньше, чем в США были приняты антитрестовские законы Шермана и Клейтона, ставшие позднее образцом для подражания во всем мире. Но практика применения антимонопольного законодательства вплоть до революции 1917 г. вызывала вопросы. Экономика шла по пути монополизации, монополии злоупотребляли своим положением, на рынках процветали картели.

Экономику дореволюционной России в различных формах опутывали антиконкурентные соглашения на самых разных рынках. Начинались соглашения с торговли, где они особенно были развиты в «области торговли хлебом, мясом, яйцами, кожами и тому подобными предметами массового потребления». «Группы скупщиков, владельцев оптовых складов, экспортеров и другие» заключали «временные спекулятивные соглашения», которые носили «самые причудливые названия: ринги (кольца), корнеры (углы) и т. д.». Ринги и корнеры не посягают на волю отдельных членов, преследуя почти исключительно спекулятивные цели. Но, как отмечал автор книги «Синдикаты и тресты в России» Г. Цыперович, «они все-таки дают довольно отчетливую картину замены конкуренции солидарным выступлением значительной группы капиталистов. И поскольку им удастся хотя бы на короткое время захватить рынок в свои руки, занять на нем монопольное положение, противообщественность указанных соглашений сразу бросается в глаза. Массовый потребитель остается без хлеба, без мяса, молока, яиц и вынужден отказаться от самых элементарных потребностей» [8].

Начав захват экономических отношений с торговли, синдикаты и тресты подчинили в начале XX в. все важнейшие отрасли промышленности России. «Производство угля, железа и стали, нефти, меди, хлопчатобумажной пряжи, стекла и т. д. — все это находится в руках могущественных синдикатов и трестов. Но их влиянию все более и более подчиняются и отрасли промышленности, перерабатывающие сырье и полупродукты в готовые изделия. Производство одежды, обуви, домашней утвари, художественных изделий и т. д. равным образом подпадает под иго промышленных предпринимательских организаций» [8].

В 1906 г. 18 крупнейших предприятий, составлявших 60% всех угольных предприятий Донецкого бассейна, образовали синдикат «Продуголь». В рамках этой могущественной организации, правление которой находилось в Париже, оказалось около $\frac{3}{4}$ всей добычи Донецкого бассейна. Почти одновременно с «Продуглем» в 1907–1908 гг. в Сибири образовались два синдиката — Черемховский и Забайкальский, установившие нормы добычи угля (80 млн пудов и 25 млн пудов соответственно) и разграничившие районы его сбыта таким образом, что поставка угля для Сибирской железной дороги досталась Черемховскому синдикату, а для Забайкальской железной дороги — Забайкальскому.

После революции 1905 г. большинство отраслей промышленности России и значительная часть транспорта, питающаяся минеральным топливом, попали в полную зависимость от трех основных угольных организаций, которые... путем решительных мер в течение короткого времени поставили весь внутренний рынок перед хроническим недопроизводством, сопровождавшимся

бесперывным повышением цен на уголь и в конце концов доведшим страну до «угольного голода» как раз к моменту объявления (Первой мировой) войны. ... Когда разразилась война, одним из самых важных факторов нашего разгрома оказался «угольный голод», который был подготовлен объединенными усилиями наших углепромышленников, клявшихся в преданности народу и вопивших на всех перекрестках о своей готовности пожертвовать всем для спасения родины, писал Г. Цыперович.

Не лучше обстояло дело и с нефтью, служащей топливом для значительной части наших промышленных предприятий, транспорта, электрических станций и т. д. Синдикативное движение в этой отрасли промышленности началось еще в 1890-х и с тех пор неуклонно распространялось вширь и вглубь, параллельно с общим процессом концентрации капиталов и их усиленной интернационализацией [8].

К началу войны 1914 г. вся нефтедобыча в России фактически сосредоточилась или находилась под контролем четырех крупнейших обществ: русско-американской «Генеральной нефтяной компании» (General Oil Company), английской компании «Шелл», голландской «Королевской генеральной компании» и товарищества Нобеля. Фирма Нобеля, пользуясь тем, что в ее руках и в руках ротшильдовских фирм находилась значительная часть транспортных средств, сконцентрировала у себя сбыт на самых важных рынках России. При помощи «местных соглашений» взаимная конкуренция (этих групп) сводилась к нулю, и потребители отдавались в руки (одной) компании [8].

Итак, две основные отрасли по добыче и продаже топлива, угольная и нефтяная, питающие почти все фабрично-заводские предприятия и почти весь транспорт, в течение короткого времени оказались в руках нескольких монополистических организаций, тесно связанных «общностью интересов» с аналогичными иностранными организациями и потому вдвойне безнаказанных в своей противообщественной деятельности. Одновременно с лихорадочным объединением угольной и нефтяной промышленности усилился темп синдицирования в области железодобывания и железообработки. Практически монополистом на рынке металлопродукции стало объединение «Продамета». Его рыночная власть усилилась за счет скупки предприятий, добывающих уголь и руду [8].

Антимонопольное законодательство не оказало в начале XX в. своего оздоравливающего влияния. История «борьбы» самодержавного правительства с синдикатами и трестами в России, даже при наличии в своде законов статей, касающихся запретов антиконкурентных соглашений, дает «поразительные образцы бессилия карательных мер и дискредитирует их бесповоротно». Однако крушение неоднократных попыток правительства вступить в борьбу с синдикатскими объединениями

с помощью карательных мер и капитуляция его перед объединенным капиталом не убедили широкие слои общества, в частности аграриев, которые вели атаку против синдикатов и трестов, требуя их «непризнания», полного воспрещения и самых крайних мер против синдикатчиков. В Государственной Думе того времени бытовало мнение: «надо сослать Нобеля в Сибирь, и цены понизятся»¹¹.

В процессе безрезультатной борьбы между правительством и объединенным капиталом выяснилось совершенно отчетливо, писал Г. Цыперович, что перерождение экономической и социальной ткани нашей страны зашло так далеко, что только новая политическая организация в новых общественных условиях может если не решить всего вопроса в целом, то, по крайней мере, правильно его поставить. Отечественные деятели были не одиноки в своих устремлениях, эти идеи прочно захватили умы мирового социалистического движения. Резолюция по вопросу о синдикатах и трестах, принятая на Парижском международном социалистическом конгрессе в 1900 г. и подтвержденная на следующих конгрессах, увы, гласила: «Единственным реальным выходом из гнетущего положения должна быть национализация, а в дальнейшей стадии — международное регулирование производства во всех отраслях, в которых международные тресты достигли наивысшего развития» [8].

Об этом не пишут в учебниках истории, не пишут об этом и в учебниках по экономике. А надо бы. От противозаконных синдикатов и трестов очень коротким оказался путь к обобществлению торговли и производства после Октябрьской революции 1917 г. Основанием для практических масштабных действий нового правительства стало осознание того, что класс капиталистов не желает удовлетворять потребности потребителей. Другим основанием послужило то, что распространившаяся в огромных масштабах всей страны и всех сфер деятельности частно-хозяйственная монополия дала отработанные образцы регулирования деятельности. Этот опыт говорил, что производство и сбыт можно регулировать, не опираясь на рыночные механизмы. То есть цены можно устанавливать и поддерживать, рынки можно делить по продуктовому и территориальному принципу, прибыли между предприятиями могут распределять наемные управленцы. Последним, вообще говоря, все равно, какая при этом является собственность — частная или государственная.

¹¹ В капитале Нобелевской премии есть доля бизнеса семейства Нобелей в России того времени. В этом смысле Нобелевская премия по экономике (впрочем, учрежденная вне завещания А. Нобеля и присуждаемая с 1969 года) за 2014 год, врученная Жану Тиролю (Франция) за анализ рыночной власти и ее регулирования, является то ли восстановлением исторической справедливости, то ли историческим казусом. — *Прим. авт.*

Революция 1917 г. направляла движение России по пути обобществления и легализации запрещенных в рыночной экономике организаций и объединений. Резолюцией 3-й Всероссийской конференции профсоюзов по вопросу о контроле над производством и распределением и об организации производства в России (20—28 июня 1917 г.) устанавливалось, что «...для выработки и урегулирования на практике конкретных мероприятий по урегулированию производства, транспорта и распределения продуктов должны быть созданы государственные органы в центре и на местах... В области регулирования производства надлежит приступить немедленно к принудительному государственному синдицированию, а там, где это по техническим и экономическим условиям невозможно, к трестированию отраслей крупной промышленности, вырабатывающей продукцию массового потребления» [8].

В публичном выступлении П. П. Рябушинский в августе 1917 г. открыто обвинил «министров-социалистов» в составе Временного правительства и «лжедрузей народа, членов разных комитетов и советов» в экономической разрухе. Введенная Временным правительством «хлебная монополия», предусматривавшая отчуждение хлеба только государственными органами и по твердым ценам, ударила по частной торговле, а с разрушением частного торгового аппарата, по убеждению Рябушинского, страну неминуемо ожидали кошмары голода. Предостережение Рябушинского было истолковано как призыв задушить революцию «костлявой рукой» голода. Усилиями «левых» публицистов «Рябушинские» из имени собственного были превращены в символ, кличку российской буржуазии, готовой якобы на все ради сохранения власти. В последовавшем и, увы, предсказанном ранее П. П. Рябушинским финансово-экономическом провале и разрухе еще долго, но безосновательно обвиняли торговую промышленный класс [32]. Голод же в начале 1920-х и в начале 1930-х гг. в СССР стал следствием демагогии, репрессий и политики огосударствления и монополизации конкурентных секторов сельского хозяйства и торговли. После победы Октябрьской социалистической революции обобществление и легализация запрещенных в рыночной экономике организаций и объединений составили основу государственной политики. В результате страна поставила чудовищный по своим масштабам и последствиям эксперимент «зажимания» свободных рыночных сил.

Отрыв от жизни идеологом капитализма и социализма

Не будем спешить «посыпать голову пеплом» и признавать мнимое историческое поражение социализма перед капитализмом, равно как и испытывать большой оптимизм по поводу неизбежности победы социализ-

ма (коммунизма) в будущем. Вопрос не в идеологемах, а в понимании жизни и сущности «приводных ремней» хозяйственного механизма. «Капитализм и социализм представляют отвлеченные начала, которым не соответствует никакая простая действительность, — писал Н. Бердяев. — Уже идеологи капитализма не хотели видеть в хозяйстве организма и идеологи социализма лишь продолжали их дело разрушения идеи хозяйственного организма. Революционными путями нельзя реформировать и улучшить хозяйство. Все опыты социальных революций уничтожают свободу лица в хозяйственной жизни» [33].

Н. А. Бердяев отмечал, что на поверхности русской жизни либерализм как будто начинал играть довольно большую роль и с ним должно было считаться правительство. Но самый большой парадокс в судьбе России и русской революции, говорил он, в том, что либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими. И большевики, и меньшевики, и все деятели революционного социального движения вдохновлялись совсем не теми идеями, которые господствовали в верхнем слое русской культуры, им была чужда русская философия, их не интересовали вопросы духа. Он считал, что в октябре 1917 г. большевики воспроизвели приемы Петра, который «хотел уничтожить старую московскую Россию, вырвать с корнем те чувства, которые лежали в основе ее жизни. Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, отрицание традиций, тот же этатизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации. Но большевистская революция путем страшных насилий освободила народные силы, призвала их к исторической активности, в этом ее значение. Переворот же Петра, усилив русское государство, толкнув Россию на путь западного и мирового просвещения, усилил раскол между народом и верхним культурным и правящим слоем» [34].

В России после гражданской войны и в довоенный период (до Великой Отечественной войны) ситуацию спасало то, что освободили в рамках сложившейся иерархии отношений творческий потенциал народных масс (в том числе путем обеспечения всеобщей грамотности). Не будь в этот период массовых репрессий, свой вклад в развитие страны смогли бы в полной мере внести представители предпринимательских кругов и элиты во всех сферах деятельности и общественной жизни. Долгосрочное планирование способствовало сравнительно эффективному концентрации ресурсов и развитию производительных сил. Мотивом и движителем экономического развития было также (сравнительно) справедливое распределение создаваемых благ (каждому

по потребностям, от каждого по труду), бесплатное образование и медицина.

В этой связи нужно напомнить выводы известного французского экономиста Т. Пикетти относительно механизмов распределения богатства, которые попеременно движутся то в сторону сближения, то в сторону расхождения неравенства. Социальное неравенство само по себе не составляет проблемы, вопрос в том, как оно способствует достижению «общей пользы» [35]. В то же время капитал¹² в XXI в. так же необходим, как в XVIII и XIX вв., и его значение будет возрастать. Более того, процессы накопления и концентрации имущества на фоне слабого экономического роста, щедрых вознаграждений топ-менеджерам (массовых, но достаточно локализованных) и высоких доходов с капиталов представляют наибольшую угрозу для динамики распределения богатств (увеличение и расширение неравенства) в долгосрочной перспективе. Силы расхождения и неравенства доходов имеют более дестабилизирующий характер, и в этой ситуации замедление экономического роста может быть не фоном, а следствием.

Биполярная борьба, которая велась в 1917—1989 гг., сегодня осталась в прошлом. Противостояние между капитализмом и коммунизмом не стало стимулом для исследований относительно капитала и неравенства, а скорее выхолостило их — как среди историков и экономистов, так и среди философов. Давно пора преодолеть это противостояние, в том числе в тех формах, которые принимает изучение истории, по-прежнему, на взгляд Пикетти, несущее на себе глубокий его след [4].

Пора закончить дискуссию и о противопоставлении плановой экономики и рыночной экономики как основных характеристик социалистической и капиталистической форм хозяйствования. С учетом понимания взаимосвязи интуиции целостного бытия и невидимой руки рынка, касающихся неразрывной целостности «доступного» и «недоступного» (непостижимого) знания о предмете и касающихся представления хозяйства через взаимодействие рациональных и иррациональных сил [35], понятно, что такая дискуссия лишена смысла.

Один из выдающихся экономистов XX в., специалист по международной торговле, теории монополии и эконометрике Василий Леонтьев, получивший Нобелевскую премию «за развитие метода "затраты — выпуск" и за его

применение к важным экономическим проблемам»¹³, весьма образно говорил, что экономика — та же яхта. Пока компаниям не разрешено извлекать прибыль, экономика не развивается. Яхта не плывет, пока нет ветра (это пример бывшего СССР). Но яхта поплывет не туда, если правительство не предоставит карту и отвес, не будет вести корабль (это пример американской экономики). «Нужно ли вмешательство государства в экономику?» — задавался он вопросом. И отвечал: «Да, в той мере, в какой это поощряет цивилизованное предпринимательство». «Всё, что может правительство сделать полезного в экономической политике... это найти и поддерживать оптимальный баланс между регулированием и свободной игрой рыночных сил» [36].

С вопросами согласования плана и рынка связывал разработку методов государственной экономической политики выдающийся ученый-экономист В. В. Новожилов. Называя рынок «мозгом денежного хозяйства», он ставил под сомнение само его существование, в случае если «план строится вопреки рынку». Новожилов отмечал, что «проблема согласования личных интересов с общественными, соотношение плана и рынка, экономической директивы и прогноза, централизованного государства и демократического управления в настоящее время (в 1960-х годах) не менее актуальны, чем в 1920-х годах» [37].

Не нужно путать так называемое командно-административное управление с взаимоувязанными комплексными программами развития и функционирования экономики. Так, системный подход, реализованный по плану ГОЭЛРО в сферах топливных и водных ресурсов, транспорта, сельского хозяйства и промышленности, обеспечил *на практике* ускоренное развитие экономики страны, кардинальную ее модернизацию и повышение производительности труда и уровня жизни на основе электрификации [38]. В дальнейшем реализация плана ГОЭЛРО оказалась полезной как для создания научных основ энергетики, в т. ч. развития учения об едином энергетическом балансе страны, так и для решения крупнейших проблем ТЭК, включая создание Единой электроэнергетической системы, Единой системы газоснабжения, развития теплофикации, ядерной энергетики и других [39].

Известный экономист Н. Д. Кондратьев, автор концепции «длинных волн» в экономике и разработчик метода анализа конъюнктуры рынков [40], известен и как практик. Под руководством Н. Д. Кондратьева был разработан перспективный план развития сельского и лесного хозяйства РСФСР на 1923–1928 («сельскохозяйственная

¹² Под капиталом понимается совокупность активов (здания, дома, строения, оборудование, машины, патенты и т. д.) за вычетом человеческого капитала (рабочая сила, навыки, образование, личные способности). — *Прим. авт.*

¹³ Прообразом же, новым направлением экономической теории и практики стала разработка в 1926 году «Баланса народного хозяйства СССР», выполненная под руководством первого управляющего ЦСУ П. И. Попова. Сейчас подобного рода таблицы «затраты — выпуск» применяются в подавляющем большинстве стран мира в качестве важнейшего метода экономического планирования и государственной политики.

пятилетка Кондратьева»), основанный на принципе сочетания плановых и рыночных начал. Предложенная им концепция планирования предполагала сбалансированный и одновременный подъем как промышленного, так и аграрного сектора¹⁴.

В. В. Новожилов критически оценивал господствовавший во времена НЭПа тезис о низких ценах, которые делают товары более доступными, что является преимуществом плановой экономики. Он полагал, что цены, устанавливаемые ниже равновесного уровня, ведут не к росту благосостояния, а к появлению дефицита и тесно связанных с ним явлений — черного рынка, коррупции. Доступными же товары становятся для тех, «кто стоит близко к источникам товарного потока» [37]. Актуальная поныне тематика.

В эпоху экономики цифровых алгоритмов нужно помнить и знать, что широкое международное признание получили отечественные работы по системному анализу функционирования и развития народного хозяйства, экономико-математическому моделированию. А академик Л. В. Канторович стал нобелевским лауреатом за создание нового направления в науке под названием «линейное программирование»¹⁵. Передовые наработки в России в сфере современной экономической мысли не прерывались в течение всего XX в., в том числе от начала до конца советского периода¹⁶.

Во времена реформ А. Н. Косыгина в течение пары десятков лет (1960—1970-е гг.) благодаря поддержке научных, либеральных и культурных ценностей совместно (без противопоставления!) с идеями государственного могущества страна сделала колоссальный рывок в экономической и социальной сфере.

Наряду с выделением «ожидаемых» достижений в экономической сфере советского периода, которые связывают с планированием, программно-целевыми методами развития экономики и наработками в области ценообразования, к признанным в мире относятся подходы по учету конъюнктуры рынков и экономической ки-

бернетике, развитию новых областей фундаментальной и прикладной науки с акцентом на приложение научного знания к жизни, технике, государственной работе [35].

В начале 1990-х гг. в нашей стране, к сожалению, был в значительной степени утерян опыт долгосрочного и среднесрочного планирования развития экономики и сложилось неравное распределение благ. Однако была приобретена свобода экономической деятельности, и пришло осознание того, что конкуренцию нужно защищать. Нормы нового антимонопольного законодательства были закреплены в одном из самых первых системных законов постперестроечной России¹⁷. Но это уже тема отдельной статьи.

Выводы

1. На нормы антимонопольного законодательства и практику его применения влияние оказывают история и практика экономических отношений, ценностные и политические установки, развитие философской и экономической мысли. В свою очередь, принципы и правила защиты и развития конкуренции играют важную роль в развитии экономики (наряду с другими основными направлениями государственной политики), задержка с их принятием или непоследовательность в правоприменении (излишняя мягкость или жесткость, легализация антиконкурентных принципов, ошибки с определением ценностных ориентиров и т. п.) негативно сказываются на экономическом развитии.

2. Универсальные условия роста в социальной и экономической сфере средствами защиты конкуренции и развития конкуренции наступают тогда:

- когда либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформизма, перестают быть утопическими и становятся движителями экономики;
- когда освобожденные (не революционными путями, а эволюционным развитием) общественность и предпринимательское сообщество могут проявлять себя в исторической и экономической активности;
- когда социальное движение не отвергает, а укрепляется идеями культуры; когда и в бизнесе, и на государственной службе востребованы люди свободные, мыслящие, деятельные, образованные, культурные, знающие свои истоки и помнящие свои корни;
- когда происходит соединение воли к социальной правде с волей к государственному могуществу; когда в смешанной экономике (другой не существует по определению) сильное государство не только защищает, но и развивает конкуренцию;

¹⁴ <https://www.krugosvet.ru/enc/kondratev-nikolay-dmitrievich> (Дата обращения: 01.09.2019)

¹⁵ Впервые этот новый метод был изложен в брошюре «Математические методы организации и планирования производства», вышедшей в ЛГУ в 1939 г. — *Прим. авт.*

¹⁶ По-разному сложилась судьба тех, кто принес несомненную пользу стране в советское время. Некоторые из них были репрессированы и погибли (среди них о. П. Флоренский, Н. Д. Кондратьев) или эмигрировали (Н. Н. Бердяев, В. В. Леонтьев, В. В. Зеньковский, о. С. Булгаков и др.), кто-то получил престижные отечественные и зарубежные премии (нобелевские лауреаты В. В. Леонтьев и Л. В. Канторович, лауреаты различных государственных премий СССР В. И. Вернадский, В. В. Новожилов, В. С. Немчинов, Л. В. Канторович, Л. А. Мелентьев), кто-то занимал важные посты в органах власти (Н. Д. Кондратьев, В. И. Вернадский, Г. М. Кржижановский, П. И. Попов).

¹⁷ Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках».

- когда осознается значимость прогнозирования развития экономики в целом и планирования в тех сферах экономики, где требуется концентрация ресурсов в долгосрочной перспективе; когда понимается важность рыночных механизмов в текущей экономической деятельности;
- когда государство не только пресекает нарушения и понуждает нарушителей восстанавливать условия конкуренции, но и способствует созданию коммерческой инфраструктуры рынков;
- когда деятельность компаний-доминантов, а также процессы экономической концентрации и накопления капиталов не ведут к увеличению и расширению социального неравенства в перспективе;
- когда развитие новых областей фундаментальной и прикладной науки ведет к развитию новых методик и новых приложений во всех сферах жизнедеятельности и государственной работы;
- когда достигается баланс между решениями по защите конкуренции и защите интеллектуальных прав. ■

Литература

1. Каминка А. И. Основы предпринимательского права. М.: Зерцало, 2007. 317 с.
2. Голомолзин А. Н. Познать истину. М.: Изд-во «БУКСТАР», 2016. 880 с.
3. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки: Учеб. пособ. / Под ред. И. П. Деметьева, А. И. Патрушева. М.: Простор, 2007. 431 с.
4. Томас Пикетти. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 592 с.
5. Крафтс Н. Ф. Р. Экономическая теория и история // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринзюэя, М. Блини, И. Стюарта: в 2 т.; пер. с англ.; под ред. В. С. Автономова и С. А. Афонцева. СПб.: Экономическая школа, 2002. Т. 2. С. 991—1013.
6. Aitken H. G. J. Did Slavery Pay? Boston, MA: Houghton Mifflin, 1971.
7. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968. 600 с.
8. Цыперович Г. Синдикаты и тресты в России. Пг., 1920. 211 с.
9. Phillips Sawyer, Laura. US Antitrust Law and Policy in Historical Perspective // Working Paper. 2019. P. 19—110.
10. Corvin D. Edvards, Cartelization in Western Europe. Washington: US Department of State. 1964. 98 p.
11. Шерер Ф. М., Росс Д. Структура отраслевых рынков. М., 1997. 697 с.
12. Standard Oil Company v. United States 283 U. S. 163 (1931) // Ист. <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/283/163/#170> (Дата обращения: 01.09.2019)
13. Wu T. The Master Switch: The Rise and Fall of Information Empires. 2010.
14. G. W. and Mueller W. F. The Cellophane Case and the New Competition // American Economic Review. Vol. 45 (March 1955). P. 29—63.
15. Robert M. Technical Change and the Aggregate Production Function // Review of Economics and Statistics. Vol. 39. 1957. August.
16. Joseph E. Towards a Broader View of Competition Policy // Competition Policy for the New Era: Insights from the BRICS Countries / Ed. by Tembinkosi Bonakele, Eleanor M Fox, Liberty Mncube. Oxford, University Press, 2017. 270 p.
17. Голомолзин А. Н. Записки по отечественной истории // Бюллетень транспортной информации. 2013. № 8. С. 3—8; № 9. С. 3—11.
18. Корсаков Д. А. Об историческом значении поступательного движения великорусского племени на Восток. Казань: Типография императорского университета, 1889. 49 с.
19. Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство // Русский хозяин. Статьи об иконе. М. — Иерусалим: Мосты, 1994. 239 с.
20. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 627 с.
21. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 1. Конец XVIII — середина 90-х годов XIX века / Отв. ред. В. Н. Волкова. Новосибирск, 2000. 316 с.
22. Распутин В. Г. Глава шестая. Кяхта // Сибирь, Сибирь... Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. 576 с.
23. Ключевский В. О. Русская история: Полный курс лекций: в 3 книгах. М.: Мысль, 1995. 576 с.
24. Русская правда / Ярослав Мудрый // БГД. Серия «Вечная классика». Т. 8 (54). М.: Бизнеском, 2011. 221 с.
25. Мельков А. С. Жизнь и деятельность святителя Саввы Сербского // Сервер «Заграница»: интернет-сайт. 2005. URL: http://world.lib.ru/m/melxkow_a_s/456.shtml (Дата обращения: 01.09.2019).
26. Зимин В. В. Биржевой товарный рынок — итоги, задачи, перспективы. СПб., 2018. 60 с.
27. Деяния знаменитых полководцев и министров Петра Великого. М.: Век, 1996. Т. 1. 207 с.
28. Клапрот Генрих-Юлий. Описание Кяхты // Байкал. 1994. № 3. С. 26—36 (Ист.: Сын Отечества. Ч. 33. 1816. № 41—42).
29. Голомолзин А. Н. Естественные монополии: что делать // Российское конкурентное право и экономика. 2012. № 3 (6). С. 6—20.
30. Жиров А. А. Купеческая слобода Кяхта и ее обитатели (фрагменты истории повседневности) / А. А. Жиров. Купечество и торговля: Сб. ст. / Под ред. В. А. Скубневского. Барнаул, 2005. С. 139—172.
31. Вольский З. Д. Вся Сибирь: Справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни.

- ни Сибири. Репринтное издание 1908 г. СПб.: Альфа-рет, 2009. 640 с., 1 л. карт.
32. Петров Ю. Рябушинские — целая эпоха в промышленной жизни России // Наука и жизнь. 1992. № 7. С. 20—28.
33. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-Press, 1955. М.: Наука, 1990. 240 с.
34. Бердяев Н. А. Судьба России: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. 736 с.
35. Голомолзин А. Н. Теоретические основы государственной антимонопольной политики: вопросы философских и экономических учений // Российское конкурентное право и экономика. 2019. № 2. С. 6—17.
36. Харламов А. Экономисты милостью Божьей: Василий Леонтьев // Файл-РФ. 2013. 17 апреля (<https://mamlas.livejournal.com/3167782.html>) (Дата обращения: 01.09.2019.).
37. Новожилов В. В. У истоков подлинной экономической науки. М.: Наука, 1995. 234 с.
38. Мелентьев Л. А. Оптимизация развития и управления больших систем энергетики: Пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1976. 336 с.
39. Мелентьев Л. А. Очерки истории отечественной энергетики. М.: Наука, 1987. 278 с.
40. Кондратьев Н. Д., Яковец Ю. В., Абалкин Л. И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. с.
41. Голомолзин А. Н., Давыдов Г. Е. Рынок грузовых железнодорожных перевозок — этап формирования коммерческой инфраструктуры рынка. М.: Буки Веди, 2013. 960 с.

Сведения об авторе

Голомолзин Анатолий Николаевич: кандидат технических наук, заместитель руководителя ФАС России

Контактная информация:

Адрес: 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 11

Тел.: +7 (499) 755-23-23

E-mail: delo@fas.gov.ru